

Вся власть Левиафану

Автор:

[Александр Ралот](#)

Вся власть Левиафану

Александр Ралот

Необъяснимые мистические события и детективные сюжеты, малоизвестные исторические факты, переплетение человеческих судеб и особый литературный язык с первой страницы увлекут читателя в историю Российской империи, Англии, Польши и Финляндии рубежа XIX – XX веков; заставят сравнить романтическое царское прошлое с трагическими реалиями первой мировой войны и революционных событий начала нового столетия.

Вся власть Левиафану

Александр Ралот

Оформление обложки Евгения Ляшко

© Александр Ралот, 2022

ISBN 978-5-4474-1561-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я мельник, и с этим уже ничего не поделаешь. Всю жизнь я занимаюсь тем, что перемалываю зерно в муку. Ну, а на всех наших мельницах, как и полагается, водятся, сами знаете, кто. Правильно – черти, лешие и прочая всякая нечисть. Куда ж без нее? Кто-то же должен тяжеленные жернова крутить? Правда, в книжках пишут, что этим занимается вода и ветер. Ну, а их кто на мельничные колеса гонит? В общем, дорогой мой читатель, тебе и так все понятно.

Как у всякого человека, немало повидавшего на своем веку, есть и у меня хобби. Нет, я не коллекционирую марки или монеты, и не строю макеты знаменитых кораблей. Я обожаю историю, любую – и Древний Рим с древней Грецией, и Рюриковичей, ну и, само собой, всю трехсотлетнюю династию Романовых.

Вот, сижу я как-то теплым летним вечерком у себя на мельнице. Любуюсь через открытое окошко дивным закатом, мечтаю о новом помоле, что бы, значит, мука получилась еще лучше, а, следовательно, хлеб из нее вышел еще вкуснее и душистее. Вдруг слышу вопль нечеловеческий, аж в ушах зазвенело. Отбросил я быстренько мечты свои красивые и бегом к жерновам.

И точно, застрял этот самый, ну, знаете кто – с рогами и копытами, меж жерновов. Еще минута – другая и предстанет он перед своим создателем в самом, что ни на есть раздавленном виде.

Сжалился, вытащил я его оттуда. Избавил, выходит, от смерти лютой, не человеческой. Хоть тварь не нашего рода-племени, а все же живое существо. Тем более, издревле рядом с нами, с людьми обитает.

Сидит он, значит, весь помятый, пяточком шмыгает. В себя приходит. Отдышался и говорит:

– Не буду я тебя за свое спасение благодарить. Не принято у нас, понимаешь, людям благодарности раздавать. Не по-нашему это. Ты уж не обессудь. Я вот погляжу, ты историю дюже любишь? Ну, так я тебе одну историю поведаю – про марку хитрую, заговоренную. Узнаешь, как оно было на самом деле.

Всю ночь нечестивый мне про марочные дела рассказывал, а я тайком всё на диктофон записал. А затем на бумагу и перенес.

Вот так эта книжка на свет и появилась. Ежели я там чего от себя присочинил, так ты, читатель, не обессудь. Я же мельник, мне можно...

Вся власть Левиафану!

Глава 1

По промозглому осеннему Невскому проспекту столичного града, ехала казенная пролетка. Служивый кучер нахлестывал чахлую кобыленку, но это помогало мало, сидящий сзади господин опаздывал на важную встречу и уже жалел, что поехал на пролётке почтового ведомства, а не взял лихача.

Арсений Николаевич Ягодин, начальник отдела Санкт-Петербургской почты, вдруг неожиданно был зван к самому министру двора и уделов генерал-фельдмаршалу Адельбергу. Чем вызвано такое приглашение, Арсений Николаевич не знал и сейчас, кутаясь в пальто на ватине с меховым воротником, перебирал в уме все свои возможные прегрешения и промахи по службе. Дело свое он любил, был человеком педантичным и аккуратным. За свой век самостоятельно, без протекции, дослужился от простого столоначальника до начальника отдела. Среди сослуживцев пользовался заслуженным уважением. Была у него одна страсть – любил живопись, общался со столичной богемой. Но разве это повод для столь срочного вызова к министру?

Наконец, тощая кобыла доставила их к нужному подъезду.

Арсений Николаевич почти бегом поднялся на второй этаж.

– Проходите, пожалуйста, – приветствовал его, вставая со своего места, секретарь. – Владимир Федорович уже изволили интересоваться, не прибыли ли?

Дверь за Ягодиным бесшумно закрылась.

– Арсений Николаевич, – произнёс министр, не вставая со своего массивного кресла. – Признайтесь, удивлены моим приглашением?

– Да уж, – как-то не решительно ответил Ягодин.

– Да вы, голубчик, не стесняйтесь, присаживайтесь. А позвал я вас вот для чего. Изучил я намерения ваш послужной список. Похвально, служите усердно. Надо бы вас к ордену представлять за выслугу и достойное рвение. Однако, чин у вас маловат, годы идут, семьёй, я так понимаю, вы не обзавелись. Я всё правильно излагаю?

Ягодин съёжился и кивнул головой.

– Посему, не будем терять время, – продолжил министр. – Предлагаю вам отправиться на Кавказ. Нет, не в ссылку, Боже упаси! С повышением, батенька, с повышением. Здесь в наших слякотных местах чинов ох, как долго придётся дожидаться приходится. А я предлагаю вам пост главного почтмейстера славного города Т. Это, я так понимаю, чина на два, а то и на три более вашего нынешнего. Дело вы свое знаете, а там город растущий; опять же, море рядом, всякие иностранные почтовые отправления. Кому, как не вам это дело там поднимать? Опять же, солнце, море, фрукты, да и местный женский контингент, – министр погладил свои седые усы. – Ох, как привлекателен. Глядишь, женитесь и еще и наследниками обзавестись успеете до пенсионера.

Глава 2

Прошло полгода. Ягодин полностью обжился на новом месте. Работы действительно было много, количество писем и посылок возрастало с каждым днем, доставкой всего этого занимались разного рода рассыльные, многие из которых грамоте не обученные. Деньги за полученные почтовые доставки поступали плохо. Рассыльные, как могли, хитрили, а у многих получателей и вовсе денег не хватало – отдавали письма за так или за «спасибо».

Арсений Николаевич, внимательно изучая иностранное почтовое дело, знал, что в заморской Англии уже давно знаком почтовой оплаты служит специальная марка, и покупает её отправитель. Без этого его корреспонденция к пересылке не принимается, а получатель письма сам не несет каких-либо денежных трат.

Набрался смелости, да и отписал Адельбергу свою идею-предложение: провести в городе Т эксперимент по внедрению почтовой марки, а в случае удачи – распространить сей почин на всю Русь Великую.

Идея генерал-фельдмаршалу понравилась, пополнить почтовую казну таким способом ему показалось весьма заманчивым и в город Т был незамедлительно отправлен соответствующий циркуляр.

Дело оставалось за малым – в кратчайший срок изготовить эти самые знаки почтовой оплаты, то бишь – марки. Не мудрствуя лукаво, почтмейстер выписал из Петербурга своего давнишнего знакомого – художника Андрея Морова или Андре Моро, как он сам представлялся при знакомстве, намекая на наличие в его крови некоторой французской примеси.

Заказ на изготовление эскиза марки был выдан незамедлительно, дом для художника был снят в самом центре города, внушительный аванс выплачен. Ягодин не любил откладывать дела в долгий ящик, тем более, что идея захватила его полностью. Неделя ушла на согласование изображения. Почтмейстеру хотелось, что бы на первой марке красовались герб Российской Империи или профиль государя императора, как на старинных римских монетах. На том и порешили.

Глава 3

Художник давно был одержим работой. Он любил рисовать портреты, недурственно изображал пейзажи, обожал писать натюрморты, но кроме этого он так же был одержим и женским полом. Ну, что тут скажешь – французская кровь, она и на Кавказе себя проявит. Так что в кратчайший срок Андре Моро изготовил несколько эскизов, которые были столь же быстро забракованы, а так же успел соблазнить нескольких местных девушек не искушенных в особенностях столичного политеса. Но вот с одной из представительниц

прекрасной половины у Моро вышла осечка.

Софико Асатиани была выходцем из очень древнего, но обедневшего грузинского рода, красоты неопишуемой, поведения соответствующего. Одним написанием портрета, как в подобных случаях происходило до этого, дело не закончилось. Девушка требовала серьезных отношений. От такой девичьей напористости художник был в полном восторге. *Perdre at?te*, как говорят французы – просто потерял голову.

Софико и Моро стали желанными гостями в холостяцком доме Арсения Николаевича. Пока мужчины обсуждали особенности важного заказа, девушка готовила им великолепные кавказские закуски, а вино самых лучших местных сортов у почтмейстера имелось в достатке – с момента переезда в теплые края не переводилось.

Глава 4

За такими занятиями прошла короткая южная весна. Наступило знойное лето, двери всех домов города Т почти всегда стали открыты. Местный люд знал друг-друга, ходили в гости запросто без приглашения, лихих людей почти не было, полиция своё дело знала, да и больших ценностей горожане не далекие года еще не нажили.

У Софико и Андрея дело двигалось к свадьбе. Молодые люди подолгу гуляли в окрестностях города. Моро много рисовал, пейзажи Северного Кавказа были дивными, рисунки охотно раскупали заезжие купцы и негодцианты, что давало Андре неплохой дополнительный доход, который он охотно тратил на различные подарки для своей возлюбленной. Родители девушки весьма благосклонно относились к будущему зятю; будущее двух влюбленных выглядело безмятежным.

Поэтому в один погожий теплый вечер Софико без приглашения зашла в дом художника. Ходить она умела совершенно бесшумно, а посему решила сделать своему суженному приятный сюрприз. Но сюрприз получила она сама.

В кресле перед мольбертом сидела известная всему городу Зельда, девица весьма легких нравов, наряды натурщицы так же выглядели более чем лёгкими. Софико остановилась, затаив дыхание. Молодые люди весело переговаривались и целовались, делая перерывы в процессе рисования, все чаще и чаще.

Она не стала дожидаться развязки этого сеанса, выхватив из вазы большой букет цветов и швырнув их в лицо художника, выбежала из дома не простившись. Ее переполнял гнев. В одночасье рушились все планы на счастливое замужество и светлую жизнь с любимым человеком.

«Ну, как он мог променять меня на эту потаскуху? Нет веры ему и всем мужчинам в мире!». Девушка захотела пойти к родителям и всё им рассказать. Но не стала их расстраивать, да и внутренняя гордость кавказской женщины не позволяла ей выплескивать свою обиду наружу. Заламывая руки, она бесцельно бродила по своей комнате.

Всю ночь мозг девушки вынашивал идеи коварной мести. Она рисовала себе самые жуткие картины казни неверного жениха. Наконец, перед утром, девушка достала из комода старинное зелье их рода. Ещё бабушка рассказывала ее маме, а мама рассказала затем дочери, что род Асатианине простой, но ведет своё начало, аж от той самой знаменитой Медеи – дочери колхидского царя Ээта, жрицы самой богини Гекаты. А это значило, что по женской линии все дамы рода Асатиани знали жуткое заклинание, которое в сочетании с родовым зельем могло пробудить такое, противостояния которому наш мир еще не изобрел.

Забрав с собой зелье, она отправилась к знакомому дому. Дверь по-прежнему, как и у всех в этой округе, была открыта настежь. «Если он там, я ему всё прощу» – подумала девушка и вошла. Художника не было, на столе лежали перья, приготовленные для работы над маркой. Софико стала по очереди окунать их в склянку с зельем и шёпотом произносить страшное заклинание. Девушку охватил очередной приступ гнева. Окунув последнее перо, Софико выбежала, едва не расплескав остатки зелья из заветной склянки.

Андре Моро весело провел эту ночь с Зельдой. Он пребывал в прекрасном настроении и, придя домой, решил закончить, наконец, работу над последним эскизом марки и завалиться спать.

Но перо само по себе, вопреки его воли, стало рисовать жуткого Левиафана. Огромные глаза, позволяющие видеть сквозь темную толщу воды, двойной ряд острейших зубов в огромной пасти, длинная тонкая шея, которую венчает огромная вытянутая голова. Художнику стало плохо, и он рухнул на пол, но перо не выпадало из его рук, словно приклеенное. Он так и умер, сжимая побелевшими пальцами в руке проклятое перо.

Промучившись до полудня и терзая себя за содеянное, Софико бросилась в дом художника. Моро лежал на полу без признаков жизни, девушка взглянула на стол и ужаснулась изображению Левиафана. Она попыталась уничтожить в огне и эскиз, и перья и уже протянула руку, но услышала шаги. В комнату, как всегда, стремительно вошел почтмейстер Ягодин. Оба застыли в немом молчании.

Арсений Николаевич склонился над другом и постарался вытащить из онемевшей руки перо, но не смог. Мертвые пальцы сжимали его намертво. Ягодин посмотрел на эскиз. Конечно, это было далеко не то, что он заказывал, но художник был его другом и он решил, что последний рисунок Моро станет первой маркой России. Таким образом он увековечит память об этом беспутном человеке, но очень талантливом художнике.

Софико захотела рассказать почтмейстеру всю правду и попросить его уничтожить и эскиз, и перья, но у нее так пересохло в горле, что она не смогла произнести ни слова. Приоткрыв рот, она присела на стул. Несколько минут сидела молча, лишь слезы катились из ее глаз. Несчастной девушке было жалко себя, жалко Андре, жалко тех людей, которые, ничего не подозревая, будут в дальнейшем страдать от этих чертовых марок.

Глава 6

Почтмейстер передал эскиз граверу. Хороших печатных станков в городе Т не было, поэтому на лист бумаги помещалось только шесть эскизов марок.

Новинка стала пользоваться большой популярностью. Падкие до всего нового горожане раскупали марки и с удовольствием посылали друг другу письма и открытки. Количество несчастных случаев и смертей в тот год в городе возросло многократно. Сколько смертей произошло по вине этой марки в других городах и странах учету не поддается, так как с наличием у жертв этого клочка бумаги с их гибелью или увечьями никто не сопоставлял.

Через некоторое время, стараниями генерал-фельдмаршала Владимира Федоровича Адельберга, в Российской империи, наконец, появились государственные марки и хождение местной городской марки, как средства почтовой оплаты, было запрещено. Многие конверты и открытки с Левиафаном были выброшены или преданы огню, однако те, кто сохранил эти заветные клочки, дали своим потомкам заработать немалые деньги, ибо нет для филателистов большей радости, чем владение подобным раритетом.

Глава 7

После описанных событий в доме художника, Софико тяжело заболела. Сотворённое зло действовало обоюдно как на других людей, так и на человека его создавшего. Целыми днями лежала она на кровати или сидела у себя в комнате у открытого окна, никого не желая видеть, и почти ничего не ела. Обеспокоенные родители вызвали доктора. Врач осмотрел больную и поставил точный диагноз:

– Последствие несчастной любви. Лечится сия хворь только подобным. Вашей дочери нужно срочно замуж.

Количество свих в городе Т в тот период превышало все допустимые нормы, конкуренция среди них была большая, а картотека потенциальных женихов и невест была всеобъемлющей. Этот факт и позволил старшим Асатиани довольно быстро сосватать дочь за хорошего человека – инженера местного завода Казимира Крулевского.

В отличие от нынешних времен, в то далекое время дети еще не смели ослушаться воли родителей в таком важном вопросе. Приданное за дочерью

водилось небогатое, но инженер Крулевский был из прогрессивной польской семьи, тем более, что в девушку влюбился буквально и с первого взгляда.

Свадьбу сыграли не мешкая, и молодые уехали в свой медовый месяц на Минеральные воды, а по возвращению поселились в квартире инженера. Прав оказался доктор, не сразу, но Софико поправилась и расцвела той женской красотой, которая возможна, когда рядом любящий человек и в доме присутствует семейный финансовый достаток. А любовь... Любовь, конечно, была, как говорится – стерпится-слюбится.

Однажды молодая пара, взявшись за руки, прогуливалась в городском парке. В тенистом пруду парка плавали грациозные лебеди. Отдыхающие горожане катали на весельных лодках своих дам, укрытых от солнца кружевными зонтиками или пили ароматный кофе в уютных кофейнях. На лавочках под раскидистыми деревьями, проходили многочисленные шахматные турниры. Только на одной лавочке одиноко сидел седой сутулый человек в мундире государственного служащего. Именно его и заметила Софико.

– Казимир, пойдем скорее, я познакомлю тебя с очень интересным человеком, – сказала она и повела супруга к скамейке.

Почмейстер Арсений Николаевич Ягодин за прошедшее время сильно изменился, болезненный цвет лица говорил, что со здоровьем у начальника почты серьезные проблемы.

Он очень обрадовался, увидев старую знакомую. Мужчины долго и обстоятельно беседовали на тему государственной политики, возможной войны с турками, затем все зашли в кафе и просидели там до вечера. Почтмейстер на прощание записал новый адрес молодых и пообещал прислать им приятный сюрприз.

На следующий день почтовый служащий-подросток, принес в дом Крулевских пакет. Казимир находился на работе и женщина, дав парнишке мелкую монету, с нетерпением вскрыла посылку. В ней лежали наброски и портреты с изображением счастливой Софико, выполненные рукой покойного Андре Моро, а так же лист с шестью марками с изображением проклятого Левиафана. Портреты были очень хороши, но настроение молодой женщины испортилось напрочь.

Все полетело в огонь, только вот лист с марками Софики, одев предварительно перчатки и взяв двумя пальчиками, спрятала за образ Георгия Победоносца, перед этим аккуратно вырезав одну.

Женщина пошла в лавку и купила одну почтовую открытку и пару государственных марок. Через несколько дней она уже знала нужный ей адрес. Наклеив на открытку клочок бумаги с изображением Левиафана, а затем сверху пару государственных марок, она написала все, что было у нее в тот момент на душе, и без промедления отнесла открытку на почту.

В тот же вечер Казимир пришел домой с радостной вестью – руководство компании решило перевести его на работу в Москву.

На сборы ушла неделя.

Карета с пожитками семьи Крулевских ехала по узким улочкам города Т в сторону железнодорожного вокзала. Навстречу им медленно двигалась похоронная процессия.

– Ох, не к добру это, – тихо произнесла Софики, – Не будет нам счастья на новом месте и потрогала свой живот, ребеночек уже давал о себе знать.

– Кого хоронят? – высунувшись из кареты, спросил Казимир, и через пару минут, повернувшись к жене, пояснил:

– Какая-то девушка по имени Зельда. Умерла, говорят, совсем молодая еще. Ты ее часом не знала?

Софики ничего не ответила, а про себя подумала: «Если родится девочка, я передам ей и зелье и магическое заклинание».

Глава 8

В положенное время у четы Крулевских родилась девочка. Софики с Казимиром долго не могли договориться на счет имени дочки: отец хотел, что бы девочка

носила польское имя Марыля, мать хотела назвать дочку в честь грузинской царицы Тамары. В итоге сошлись на имени прародительницы рода Асатиани – Медеи. Священник в церкви долго не хотел записывать такое богонеудное имя в церковную книгу, но Казимир пригрозил ему, что они тут же отправятся в костел и дочь будет католичкой. Поп сдался и благословил новую православную душу со странным именем Медея.

Девочка росла здоровым и смышленным ребенком, гены ей достались хорошие, поэтому впитывала она в себя все знания, как губка. Заработок главы семейства позволял супруге полностью заняться воспитанием дочери, а в помощь по хозяйству была нанята прислуга – Вера Марковна, женщина образованная и кухарка каких еще поискать надобно.

Со временем Казимир продвинулся по службе и занял хороший пост в администрации предприятия. Все было ладно в их семье, только стали появляться к тому времени, странные люди, называющие себя народовольцами. И желали те люди, ни много не мало, а нового царя батюшку, доброго и справедливого – не чета, нынешнему.

Вечерами, после работы, супруг читал газеты и высказывал Софику свое мнение по последним событиям в Москве и в столице. Его взгляд на революционную деятельность был однозначно-отрицательный, но ему очень хотелось, что бы его родная Польша, наконец, обрела долгожданную независимость. Он уже несколько раз намекал жене, как было бы здорово поселиться им втроем где-нибудь в пригороде Варшавы, прогуливаться по берегу Вислы и пить кофе в старинном ресторанчике на Свентояньской улице.

В Варшаву можно было перебраться и сейчас. Работа для такого специалиста, как Казимир, там бы, наверняка, сыскалась, но ему хотелось большего, ему хотелось, что бы Польша стала как и прежде объединенной и независимой.

Однажды вечером супруг вернулся с работы не один, а с молодой дамой лет двадцати пяти.

– Этери, – представилась незнакомка, – Я тоже с Кавказа, как и вы.

Казимир попросил Веру Марковну принести им чаю в кабинет и закрылся там с гостьей.

Софико уселась у окна, хорошее настроение было испорчено окончательно. В голове крутилась мысль: «Неужели опять, неужели все повториться? Это мне с того света мстит подлая Зельда. А может эта Этери и есть ее воплощение?».

К ней незаметно подошла Медея.

- Мамочка, а ты чего грустишь? Папа разговаривает с незнакомой тетей, а тебя не позвал, из-за этого? И она быстренько уселась на коленях матери.

- Давай, мамочка, пока они там разговаривают, ты мне сказку считаешь.

- Нет, дочка, - грустно ответила Софико, - У меня для тебя другое предложение. Пойдем в чулан, посмотрим, может какие-нибудь волшебные вещи разыщем.

- Ура! Пошли быстрее, - воскликнула Медея и потащила мать к чулану.

Девочка перебирала старые вещи, протирая их от пыли влажной тряпочкой, а мама искала заветную шкатулку. Наконец, она ее нашла и, отвернувшись от дочери, открыла. Флакончик, оказался открыт, заветного зелья в нем не было.

Прошло уже немало лет с тех пор, как Софико последний раз брала его в руки: долгий переезд в Москву, а затем еще много событий, и женщина забыла о флаконе. Возможно, она тогда, второпях, его неплотно закрыла, но факт остается фактом, теперь у нее не было очень важного компонента.

Женщина стояла и печально смотрела на старинный темный предмет. Конечно, в ее голову на мертво вписаны слова страшного заклинания, которому ее научила мать, но они способны только усилить действие зелья или предмета, на котором есть частицы этого зелья. Но вот создать новые магические предметы без жидкости уже не возможно.

Софико постаралась себя успокоить, вполне возможно ей никогда не понадобятся ни оставшиеся пять марок, ни слова заклинания. Может быть эта девушка Этери действительно приходила к мужу по делу, и вот сейчас она выйдет из чулана и ее встретит улыбающийся Казимир, и все будет как прежде. Она взяла дочку за руку и повела в комнату. Там Вера Марковна накрывала на стол, супруга не было.

– А где супруг? – спросила Софико.

– Пошел провожать гостью, – ответила женщина, – Сказал, что скоро будет.

Глава 9

Ужин проходил в полном молчании. Наконец, Софико не выдержала:

– Ты не хочешь мне ничего объяснить? Являешься домой с молодой особой, закрываешься в кабинете, а сейчас молчишь. В чем, в конце концов, дело? Могу я знать?

Голос ее звенел, а щеки покрылись румянцем.

– Конечно, можешь, – спокойно ответил Казимир. – Успокойся, я тебе все объясню, чуть позже. Пусть дочка поест спокойно и пойдет к себе.

Оставшись вдвоем после того, как маленькая Медея уснула, Казимир привлек к себе Софико, ласково обнял и, глядя в ее глаза, ласково произнес:

– Какая же ты, у меня ревнивая, аж жуть. Я уже боюсь. С тобой надо быть крайне осторожным, того и гляди отравишь и меня, и соперницу, – и улыбнулся.

Он и не подозревал, как его слова близки к истине.

– Понимаешь, – продолжал супруг, – эта девушка из народовольцев. Им нужна моя помощь, как инженера, вот я и думаю, помогать им или нет? То, что они затевают, ужасно, – продолжал он. – Но этот их кровавый путь, возможно, приведет к свободе моей страны.

– Казимир, но ведь это очень опасно, – возразила Софико. – Тебя могут сослать на каторгу или вообще убить. Ты о нас подумал?

– Вот думаю..., – тихо ответил мужчина. – Сильно думаю. И все же я помогу им. Пойми, это мой долг. Не помогу я, обязательно помогут другие, а я буду себя призирать.

В комнате воцарилась тишина.

Глава 10

Время летело незаметно. Медея росла и уже превратилась в рослую красивую девушку, на которую начали заглядываться студенты и молодые служащие близ лежащих контор и лавок.

Софико приобрела большой кованый сундук и стала собирать дочке приданое. Она помнила свое сватовство и ей очень хотелось, что бы у ее девочки все было по-другому.

Народовольцы различных политических платформ взрывали и убивали чиновников всех рангов, неоднократно покушались и на государя императора. Слава Богу, пока не удачно.

В Польше вспыхнуло восстание и в очередной раз его жестоко подавили.

Казимир ходил хмурый и тайком от жены переводил деньги в помощь пострадавшим от репрессий.

Однажды, когда они с супругой прогуливались по улице, по сложившейся привычке взявшись за руки, к ним подошел незнакомый хорошо одетый господин и, не представившись, быстро спросил:

– Вы господин Крулевский?

– Да, – ответил Казимир.

– У меня мало времени, – быстро заговорил незнакомец. – Уезжайте, как можно быстрее, уезжайте и подальше.

– В чем дело? – вспыхнула Софико.

Незнакомец ничего не ответил, быстро отошел в сторону и зашагал в противоположном направлении.

А на следующее утро за Казимиром пришли жандармы.

– Господин Крулевский, вы арестованы.

Растерянная Софико опустилась в кресло.

Начались бесконечные стояния в очередях к окошку Бутырской тюрьмы, в которое молодые и старые женщины просовывали узелки с передачами своим близким.

Начались поиски хорошего адвоката и прочие хлопоты жены арестанта. Деньги быстро таяли. Таяло и здоровье самой Софико. Она простудилась и кашляла все сильнее и сильнее.

Несколько лет назад, проживая ещё в городе Т, она познакомилась с молодым английским врачом Джоном Олдманом, а спустя несколько лет он, вслед за Крулевскими, перебрался в белокаменную и иногда заходил в гости к старым знакомым.

Почувствовав себя совсем плохо, Софико попросила дочь сходить за доктором Олдманом, искренне надеясь, что англичанин по старой дружбе не возьмет денег за свой визит.

Глава 11

Джон прибыл незамедлительно, осмотрел больную и вынес свой вердикт:

– Не буду от вас скрывать, дорогая Софико, у меня серьезные подозрения на чахотку. Вам надо срочно уезжать домой на юг и лечиться, лечиться и лечиться. Иначе...

Он замолчал. Софико и сама понимала, что иначе.

Как уехать, когда скоро суд над народовольцами и ее Казимиром?

Адвокат требует денег все больше и больше. Она уже продала почти все драгоценности, которые ей когда-то дарил супруг. Да и лавочникам задолжала изрядно. Дочь постоянно сидела у её ног, положив голову на колени матери.

– Мама, – однажды сказала девушка. – Я пойду работать, семье ювелиров Давоян нужен переводчик с польского и английского и секретарь. Может быть, они меня возьмут.

– Медея, – тихо ответила мать. – Ювелирный дом Давоянов находится на противоположном конце города, как ты туда будешь каждый день добираться? Ты об этом подумала?

– А что делать, – грустно ответила дочь. – Я уже с ними разговаривала, они выделяют мне комнату, буду жить у них. А тебя буду навещать, как только смогу. Зато у нас будут деньги.

– Дочь, послушай меня внимательно. Все может произойти, поэтому, наверное, настало время тебе кое что узнать о тайне семьи Асатиани.

И София рассказала дочери о заклятии, заставив девушку заучить проклятие и о зелье, которого, увы, уже нет. Не рассказала лишь о художнике Андре Моро и девице Зельде.

Через неделю суд, выслушав аргументы адвоката, вынес не смертный приговор, а все лишь пожизненную каторгу подданному Российской Империи, поляку по происхождению, Казимиру Крулевскому с отбыванием наказания на острове Сахалин в ссыльной тюрьме города Паранайск.

Глава 12

Спустя несколько дней Софико случайно встретила на улице Этери. Прошлой неприязни у нее больше не было. Женщины обнялись, как старые знакомые. Горе объединило обеих. В соседней кондитерской за чашкой чая Этери на одном дыхании выпалила, что в их организации выявили предателя, который и выдал всех, кого знал. А Казимир не выдал никого. Его, как самого образованного, признали организатором, хотя он всего лишь изготавливал бомбы, а в терактах участия никогда не принимал и сам никаких бомб не бросал. Теперь вот задача Этери, по решению товарищей, уничтожить предателя.

- Ты мне вот так запросто все это рассказываешь? удивленно спросила Софико.

- Конечно, - ответила Этери. - Вы же жена Казимира, значит, как и он, никого не сдадите. К тому же я не знаю, как уничтожить предателя. Просто так застрелить из револьвера человека, пусть и предателя, у меня рука не поднимется, а бомб у нас теперь больше нет. И вы еще моя землячка. Кому же мне все это еще рассказать? - выдохнула девушка.

- Я тебе помогу, - вдруг неожиданно для самой себя сказала Софико. - За мужа моего отомсти, - и добавила совсем тихо:

- Пожалуйста. Завтра, здесь же, на этом самом месте, жди, - и молча, не попрощавшись, вышла.

На следующий день она принесла девушке конверт с маркой Левиафана.

- Что это? - спросила Этери. - Деньги?

- Нет, гораздо хуже, - ответила Софико. - Это смерть.

- Что? - не поняла девушка. - Какая смерть?

- Приложи конверт к краю своей чашки. Просто приложи, только ничего из конверта не доставай.

Девушка в полном недоумении поднесла конверт к чашке, та вдруг подскочила и опрокинулась на юбку Этери, выплеснув горячий чай.

- Теперь понятно? - спросила Софико.

- Нет, - ответила девушка. Руки ее дрожали мелкой дрожью, на лбу выступил холодный пот.

А через несколько дней в «Московских новостях» появился некролог:

«Некий господин N скончался у себя дома, без видимых на то причин. Третье охранное отделение, скорбит об этом прискорбном событии и выражает глубокие соболезнования родным и близким покойного».

У Софико осталось только четыре марки. Она собиралась домой, в родной город Т. Молодая переводчица и секретарь Медея Крулевская приступила к своим обязанностям в ювелирном доме семьи Давоян.

Глава 13

Прав оказался английский врач Джон Олдман, не смотря на родной климат и помощь стариков родителей, Софико прожила недолго. Не умели тогда лечить в нашей стране, да и в мире, такую страшную болезнь, как чахотка. Похоронили ее на городском кладбище, совсем недалеко от могилы какого-то заезжего художника Андрея Морова, могила которого уже совсем заросла высоченной травой и лишь верхушка православного креста все еще возвышался над холмом.

Медея долго стояла, склонившись над могилой матери, обнимая одной рукой совсем седого деда, а другой - сухонькую бабушку в старинном, совсем не модном чепце.

- Внучка, ты это, - глотая слезы, начала старая женщина. - Ты поскорей замуж-то выходи, да сюда перебирайтесь. Чего тебе в той сырой Москве теперь делать? Будете нам с суженным своим помогать. Сейчас, я знаю, там у вас в столицах свахи-то не в почете. Сами себе пару ищите, по современному. Или я не права, а,

внучка?

Девушка ничего не ответила.

Медея прожила некоторое время у стариков, а в аккурат через сорок дней, пришла телеграмма из Москвы. Ювелиры Давояны вызывали девушку к себе, дела торговые требовали ее незамедлительного присутствия.

Глава 14

Так уж сложилось, что самым близким человеком для одинокой девушки оказался господин Джон Олдман. Помогал он ей, как мог. Сначала из чувства вины перед покойной матерью, а потом как-то так само собой получилось, что Медея незаметно оказалась самой желанной. Да и ей внимание известного в Москве врача было более чем приятно. По осени сыграли скромную свадьбу. Джон было заикнулся несколько раз, что не плохо было бы Медеи оставить работу в ювелирном доме, но супруга была против – работа ей нравилась, да и лишний доход в семье помехой считать никак нельзя.

Возвращение в город Т потеряло всякий смысл. Старики после смерти единственной дочери прожили совсем не долго и ушли тихо друг за другом, вроде бы и не было их никогда на этой грешной земле.

Что связывало теперь молодую женщину с далеким кавказским городом? Три могилы, да еще малопонятная тайна, которую рассказала мать, и верить в которую как-то не хотелось совсем.

Глава 15

Меж тем в ювелирном доме господ Давоянов происходил ужасный семейный скандал: был вскрыт и опустошен сейф в одном из магазинов. Дело, в общем-то, для ювелиров обычное. Товар в нем хранящийся был застрахован, больших убытков семейство не понесло, а посему полицию извещать не стало. Было

решено разобраться с сим безобразием тихо, по-семейному.

Жил в этой семье, на правах родственника, племянник главы, молодой повеса Рубен Каренович Давоян. Молодой человек получил прекрасное образование, свободно изъяснялся на французском и английском, иногда помогая Медеи с переводами договоров, хорошо знал торговое дело. Ну, а ювелирные знания ему передались вместе прочими генами Давоянов. Однако, любил молодой человек покутить изрядно (для его возраста страсть обыденная). А еще был он заядлым филателистом – за марки мог последний костюм с себя снять и отдать, вместе со штиблетами.

Пытался Рубен приударить и за Медеей, однако ничего не вышло, молодая женщина посмотрела на него таким взглядом, что у того, как-то сразу нехорошо засосало под ложечкой. Позже, когда увидел ее вместе с плечистым Джоном и узнал, что их секретарша не просто Крулевская, а еще и Олдман, то решил, что лучше ему эту даму иметь исключительно в друзьях и не более того.

При семейном расследовании хищений из сейфа, старый управляющий дома Давоянов, с молодых лет служивший при их ювелирных магазинах, ни минуты не колеблясь, показал на Рубена, как на основного виновника:

– В тот день изволили они приходиться в изрядном подпитии и ключики от сейфа при них имелись. И, вроде бы, даже разговор слышал, что марки ему привезены были редкие, заграничные.

Таким образом, на этот раз семья безоговорочно поверила своему управляющему, а молодому Рубену было указано на дверь.

А через месяц-другой в славном граде Петербурге, появился новый ювелирный магазин «Рубен Давоян и партнеры». Еврейские ювелиры Рубена знали и ценили, несмотря на его молодость. Верили и в его коммерческую жилку. Так семейство Давоянов своими руками породило нового и серьезного конкурента.

Однажды, отперев ключом свой кабинет в здании Ювелирного дома Давоянов, Медея к своему изумлению обнаружила в кресле дремавшего человека в хорошем костюме из английской шерсти.

– Вы, что тут делаете? – воскликнула девушка. – Я сейчас же охрану вызову, – и потянулась к колокольчику на письменном столе.

– Не надо охрану, – спокойно и невозмутимо ответил незнакомец. – Я к вам с добрыми вестями.

– Как вы вообще сюда попали, дверь ведь заперта?

– Ну, это самое простое и не надо об этом. Лучше присаживайтесь на свое кресло и почитайте вот это, – так же невозмутимо ответил мужчина, освобождая женщине место и отдавая мятый конверт.

Медея послушно села и начала читать. Это было письмо от её отца, но адресовано не ей, а Софико.

«Дорогая моя супружница, – писал из далекого острова Казимир. – Я здесь жив и здоров, чего и вам с дочуркой желаю».

По щекам девушки покатались слезы.

«Здесь, если женишься на местной или если к тебе приедет жена, то надзиратели разрешают покинуть каземат и жить в домах-поселениях. Посему все мужчины разом переженились на местных девках или на ссыльных дамочках, но мне это ни по католической, ни по православной вере никак не можно. Это грех великий есть».

Медея не вытерпела и в голос разрыдалась.

Мужчина молча протянул ей белоснежный накрахмаленный платок и тихо произнес.

– Я посижу у вас еще с полчаса. Если успеете написать ответ, я его переправлю, решайте.

Молодая женщина всхлипнула и стала писать о том, что мама умерла и он свободен, и праве выбрать себе местную женщину и жить там с ней, почти на свободе. Что она уже замужем за хорошим человеком-врачом и у них все хорошо, только вот деток пока нет. Что она все равно ждет его и будет ждать, сколько потребуется и очень сильно его любит.

Она хотела написать еще много чего, но мужчина, молча протянул руку и забрал лист.

- Все, мне пора.

- Когда вы его увидите? Может мне сбегать на рынок, что-то купить и передать?

Мужчина улыбнулся:

- Не утруждайтесь, барышня. Кроме письма туда более ничего не дойдет.

Опустив голову, повернулся к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ralot_aleksandr/vsya-vlast-leviafanu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)